

Полет над жанром

Анастасия Ефремова

Театр «Русская сцена» в Берлине, о котором пойдет речь, начал свою деятельность с детской студии в 2004 году. За четырнадцать лет он невероятно повзрослел, вырос, полностью оформился, развился и расцвел. Сегодня это — единственный русский профессиональный репертуарный театр вне границ бывшего СССР, имеющий собственную труппу и помещение. Выпущено более сорока спектаклей по произведениям мировых классиков — Пушкина, Чехова, Брюсова, Андреева, Байрона, Шекспира, Брехта. Не забыты более «юные» авторы. Репертуар обширный и качественный.

*«...и вот пришел
Иуда»*



«...и вот пришел
Иуда»



инсценировка, сохранены тончайшие нюансы прозы. Фантастично точное оформление, волшебная работа светом: от палящего, просто обжигающего солнца пустыни до мягких сумерек и мерцающего светильника в ночи. Оформление и лаконичное, и живописное, и рабочее, и просто очень красивое — ласкающее глаз, погружающее в тот мир, как погружают картины настоящих мастеров. А ведь как просто: выбеленные полотнища, как будто произвольно развешенные за авансценой, несколько вытертых ковриков, две простые табуретки, заплечный ящик на ремне, деревянная лестница, светильник, крохотные свечки и множество прихотливо подвешенных канатов. Все это успеваешь заметить и отметить, пока не появляется маг и волшебник Андрэ Мошой. И после этого смотришь только на него, не отрываясь и затаив дыхание. Роль и выстроена и сыграна загадочно. Совсем не сразу раскрываются все огромные возможности и способности этого удивительного актера. Повторюсь, я видела его на сцене до этого не раз. Не узнала! И не потому что «Я не узнаю вас в гриме», — он не пользуется клоунским приемом внешнего перевоплощения. Просто то был Тригорин, например, а это — Иуда. Что между ними общего? Ничего. Андрэ молдованин, выпускник Шукинского училища, владеет речью безукоризненно (известно, что за четыре года обучения «Щука» исправляет любые говоры и акценты), но что за диковинная речь у Иуды? Никогда не слы-

Театр легок на подъем — он частый гость на всевозможных фестивалях. Из-за этих фестивальных встреч мне казалось, что мы хорошо знакомы. Но два моноспектакля, привезенные в ноябре в Москву, открыли для меня этот театр совершенно заново. Игались они в помещении Высшей школы театрального искусства Константина Райкина. И, надо сказать, явили пример высокого владения театральным искусством.

«...и вот пришел Иуда» поставлен по «Иуде Искариоту» Леонида Андреева. Странно получается. Все любят творчество Андреева, но очень редко к нему обращаются. И приклеился данный Толстым ярлык: «Он пугает, а мне не страшно». Да не пугает он, а страдает. Страдания Иуды на сцене, переданные не только с помощью текста, но и пластики, и оформления не пугают, а зачаровывают и даже очаровывают. Безукоризненно сделана



«Рудольф Нуриев.
48 часов»



шала такого странного акцента. Ну, конечно, это — акцент уроженца Кириафа, откуда родом эта мятущаяся душа. Именно мятущаяся. Постепенно, почти незаметно он ускоряет темп речи. Мягко, по-кошачьи, почти бесшумно движется и мечется по сцене, сначала просто трогает канаты, сплетает их, расплетает, завязывает и развязывает петли, а потом совершенно естественным образом начинает существовать на этих канатах. И нет в этом ничего циркового, акробатического, продолжается напряженный драматический монолог, ни на секунду не возникает мысль, что

все это — очень сложно и трудно, требует не просто репетиций, а жестоких тренировок, что это — просто опасно! Нет! Когда он парит достаточно высоко над сценой, презрев все законы гравитации, я вижу его трагические глаза, слышу горькие слова и вместе с ним мучительно размышляю над страшной необходимостью предательства.

О втором спектакле «Рудольф Нуриев. 48 часов» могу сказать, что за полтора часа поняла о Нуриеве больше, чем за всю жизнь. Хотя видела множество видеозаписей, читала рецензии, статьи, интервью, воспоминания и даже была на его великолепной могиле на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Я знала другого человека. А теперь я знаю Рудольфа Нуриева, и он мне очень нравится. Разумеется, мне нравится прекрасный артист Андрэ Мошой, его сыгравший, но отдельно в душе возник еще один человек. Удивительный эффект.

Здесь оформление еще лаконичнее и строже. Черный кабинет, три свободно подвешенных на карабинах штанкета, чемодан, бутылка. И снова этот невероятный человек в образе немолодого усталого гения танца попирает все законы. Мы уже знаем, насколько пластически организован артист. Но не станет же он танцевать? Не станет. В период, о котором идет речь, и Нуриев уже не танцевал. Он прилетел на родину, на бесконечно короткие 48



«Рудольф Нуриев.
48 часов»



часов, чтобы проститься с больной матерью. И те хулиганские, шутовские танцевальные па, которые разрешает постановщик, просто часть горького, местами очень самоироничного рассказа-размышления. И снова полет над сценой на невидимо как закрепленных, неверных, постоянно подвижных штанкетах, напоминающих и балетный брус у зеркала в репетиционном зале, и рельсы, и просто дорогу — зыбкую, но единственно возможную. В этом спектакле Андрэ явил еще одну очень ценную для меня грань дарования — тонкий юмор. Он позволяет себе легчайшее, мимолетное общение с залом. Посмотрел в глаза,

слегка кивнул, доверительно улыбнулся — это очень точно отмерено, чтобы человеку не успело стать неловко от неумения ответить, а только приятно и весело. Он не трагическая фигура, и это не трагический спектакль. Наоборот — спектакль-торжество. Спектакль о победителе, потому что успешный творец всегда победитель. Маленького Рудика в далекой Уфе обижали и дразнили, отец его бил, но мальчик знал свой путь и прошел его, и был награжден. В нем есть чудесное достоинство и умиротворение.

Из дорожного чемодана извлекаются разнообразными костюмы — и театральные и повседневные. Как без этого? Артист должен переодеваться. Артист всегда должен быть в форме. О форме этого артиста, этого постановщика, этого театра можно только мечтать. Являя полностью впитанные и освоенные приемы русского психологического театра, они привнесли в свое искусство европейское изящество в самых необходимых дозах. А то, что получилось, не оставляет меня который день и даже снится. Режиссер-постановщик и автор всего-всего в этом театре (москвичка, кстати) Инна Соколова-Гордон, мне кажется, может считаться новатором и открывателем нового вида театрального жанра, название которому еще предстоит дать. **ИБ**